
М.М.Морозов. Избранные статьи и переводы
М., ГИХЛ, 1954
ОСР Бычков М.Н.

В высказываниях Белинского о Шекспире сразу бросается в глаза скромность великого русского критика. Тут нет и тени "оригинальничания", стремления во всех случаях обязательно создать "свою" теорию и щегольнуть новаторством. Вместе с тем некоторые высказывания Белинского о Шекспире должны быть по праву названы открытиями, которым принадлежит почетное место в золотой книге мировой шекспировской критики. Сам о том не думая, Белинский был своеобразным и разносторонним шекспироведом. Эта грань творчества Белинского, однако, до сих пор остается крайне малоизученной. Сделать шаг в сторону этого изучения – такова цель настоящего очерка. Само собой разумеется, что наш очерк отнюдь не претендует на исчерпывающую полноту.

Белинский с самого начала своего литературного поприща указывал на реализм Шекспира. Более того: можно смело утверждать, что никто до Белинского так глубоко и разносторонне не рассмотрел всей проблемы реализма Шекспира в целом.

"Шекспир постиг не только ад и небо, но и землю; он – царь природы". Белинский говорит о нем цитатой: "С природой одною он жизнью дышал" ("Литературные мечтания"). У Шиллера мы находим "сладкую тоску по небу и возвышенные мечтания о святом и великом жизни", у Байрона – "бешеные вопли души пресыщенной и все еще не сытой", у Шекспира – "тонкий анализ человека со всеми изгибами его души и сердца" (в той же статье). Земля, человек, природа, жизнь – вот, согласно Белинскому, стихия Шекспира. Великий критик в той же статье говорит об "оригинальности и самоцветности персонажей" Шекспира. Вдумаемся в это замечательное определение. Ведь в самом деле лица, созданные Шекспиром, не рупоры автора, как у Шиллера, не романтизированные автопортреты, как у Байрона. Они ходят, говорят, действуют самостоятельно; они окрашены в собственные цвета – и Гамлет в своем "чернильном" плаще, и "огненный" Тибальт, и Джульетта – "белая голубка среди ворон"; они действительно самоцветны. Мы не знаем более подходящего эпитета.

В статье о "Гамлете" (1838) Белинский указывал на способность Шекспира "понимать предметы так, как они есть, отдельно от своей личности".

Классицизм ввел Шекспира в свой торжественный павильон, где не ходили, но шествовали, не говорили, но декламировали. С другой стороны, романтизм увидел в "великом барде" создателя каких-то причудливых и вещей легенд, существующих вне времени и пространства. Живя в эпоху, когда сильны были влияния и классицизма и романтизма, Белинский, смело шедший и в рассуждениях своих о Шекспире своим собственным путем, писал в той же статье: "Каждое лицо Шекспира есть живой образ, не имеющий в себе ничего отвлеченного".

На основании изучения текста можно показать исключительную простоту и естественность речей Гамлета. Многое, что принимали за риторику и пышные украшения, оказалось, при более тщательном рассмотрении, поговорками, пословицами, идиомами живой разговорной речи той эпохи, покрывшимися "пылью веков" и потому как бы изменившими свой облик. Белинский, этот "ясновидец прекрасного", уже более ста лет тому назад писал о "простоте, естественности и этой действительности, которою отличается вся роль Гамлета и которой проникнуто каждое его слово, каждое положение". Белинский не располагал подробными текстологическими, бытовыми и прочими комментариями, из которых мог бы заключить, что Офелия отнюдь не какой-то отвлеченный образец "чистейшей красоты" или воплощение, "идеала вечной женственности", как часто толковали этот образ и на страницах критики и на подмостках сцены во времена Белинского и после него, но лицо живое, "действительное", пользуясь термином Белинского. И все же, не располагая таким комментарием и в те годы зная "Гамлета" главным образом по бледному, сглаживающему индивидуальности переводу Полевого, гениальный критик писал: "Если в действительной жизни мы не встретим Офелии, то потому, что одно и то же явление не повторяется дважды: а совсем не потому, чтобы это создание принадлежало к миру идеальному". Во многих своих высказываниях о Шекспире Белинский, как видим, на целое столетие опередил свое время.

Белинский, как известно, делил поэзию на два "отдела" – на идеальную и